

Альдо Мандрилли

Одесса 1920

Глава из книги «Между сумасшедшим домом и большевизмом. 1917-1920» (Милан, 1933). Фотографии репродуцированы из этого же издания

Альдо Мандрилли. Фото д'Алессандри. Рим

В начале января 1920 г. я поднялся на борт парохода «Карниола» Триестского Ллойда*, который отправлялся из Бриндизи в Константинополь.

У меня был приказ Комиссариата Военно-воздушных сил отправиться на юг России с важной и деликатной миссией. Целью моей командировки являлась штаб-квартира [А. И.] Деникина в Таганроге, небольшом городке в Южной России, на северо-восточном берегу Азовского моря. Мой вояж туда проходил в условиях некоторой секретности, так как социалисты и коммунисты в то время осуждали вмеша-

тельство Италии в русский вопрос на стороне антибольшевистского движения.

В целом поездка эта в определенном смысле была авантюрой, ведь тогда, на последнем этапе [Гражданской войны], точных известий о контрреволюционном движении, возглавленном Деникиным на юге России, к нам не поступало.

В качестве базы мне назвали Новороссийск, где стоял наш крейсер «Этна**», флагман Итальянской миссии под командованием

* Корабль, принадлежавший до первой мировой войны Австрийскому Ллоиду, с названием *Dampfer V*, после окончания войны и присоединения Триеста к Италии был переименован в честь итальянского региона Карниола и приспособлен для военных нужд.

** Построен в 1880-е г., списан и пущен на лом в 1921 г.

генерала [А.] Бассиньяно. Более точную информацию мне должен был дать в Константинополе наш военно-воздушный атташе, старший пилот Станцани.

Путешествие, пусть и поспешное, меня весьма занимало: плавание через длинный Коринфский канал, Пирей, Афины, и самое сильное впечатление – вход в Дарданеллы, по длинному фарватеру, отмеченному буями.

Эту зону именовали мрачным именем «кладбище кораблей». Там и на самом деле виднелись затопленные трубы, корабельные мачты над волнами, остовы суден и памятная доныне подводная лодка с огромной пробоиной в борту, сидевшая на мели, а также огромный затонувший пароход, у которого был виден только задрывшийся вертикально в небо нос, похожий на лезвие гигантского топора.

Вдоль холмистых голых берегов еще виднелись траншеи и переходы, брошенные пушки, обрывки колючей проволоки, разбитые форты – казалось, что битва стихла недавно: пейзаж цепко хранил трагические черты гибели и разрушения. Все пассажиры задумчиво взирали с борта на эту местность, где как будто еще царил смерть: нас захлестнула волна грусти. Пароход шел медленно и осмотрительно – видны были отметки многих плавучих мин, делавших навигацию крайне рискованной.

Мы приплыли в Константинополь на закате. Падал необычно сильный снег, покрывший весь город – стройные шпили мечетей и минареты, теперь белого цвета, четко выделялись на фоне свинцового неба. Швартуясь в Галате, мы услышали муэдзинов, звавших правоверных на вечернюю молитву.

После установления контакта с итальянскими представителями у нас состоялось несколько бесед с комиссаром-командором Маисса, главой итальянского посольства. Константинополь был занят тогда союзными войсками – интенсивная жизнь захлестывала этот интересный город.

Нам пришлось задержаться тут на некоторое время в ожидании итальянского корабля, который последовал бы через Черное море в российские порты. Я воспользовался ожиданием, чтобы вникнуть в российскую ситуацию и осмотреть город и его окрестности ради знакомства с бытом населения, пока однажды не по-

лучил извещение от Итальянского мореходного бюро об отплытии в Одессу 15 января парохода Триестского Ллойда «Палацки».

Проведя анализ собранной информации, я пришел к выводу, что контрреволюционное движение Деникина переживает не лучшие дни, несмотря на то, что дипломаты и другие люди из российского посольства в Константинополе уверяли меня самым официальным образом, что все идет успешно и что юг России вскоре предоставит независимость Украине и создаст свое независимое правительство, полностью изгнав оттуда большевиков. На самом деле другие источники (французские и английские) сообщали об отступлении Деникина из Ростова и Таганрога и о его попытках укрыться в Крыму и Новороссийске. Однако никто не был в состоянии дать правильную оценку текущей ситуации.

Невзирая на это, прежде чем отправиться в Таганрог, я твердо решил сначала отплыть в Одессу, дабы лично убедиться в положении вещей. В Одессе, думал я, все прояснится, и тогда, по необходимости, на русском или ином пароходе я поплыву далее к цели моей поездки.

В тот зимний сезон Черное море было похоже на кастрюлю с кипящей водой, настоль оно было подвержено штормам. Оставив Кавак*, мы встретили такую бурю, что чуть не были выброшены на береговые рифы. Слава Богу, нам удалось достичь Варны в Болгарии, где мы подождали пару дней, пока море не успокоилось.

После краткосрочного посещения румынского порта Костанца мы наконец подошли к Одессе. Здесь нас встретили толстый слой льда, покрывший всю бухту, и ужасная снежная буря. Неплохо для первой встречи! Вечером мы встали на рейде, не заходя в порт: капитан решил отложить швартовку на утро.

Теперь расскажу непосредственно об Одессе, не отвлекая читателя описанием путешествия, моих спутников, моих впечатлений и размышлений, – мне кажется, это уведет нас в сторону от сути повествования.

На следующее утро, сразу после швартовки, на борт нашего корабля поднялось несколько русских офицеров. Находившийся среди них генерал (его звание я узнал по погонам) спросил

* Ошибка автора: Кавак (Кавак-Тепе), крепость на европейском берегу Дарданелл, не лежит на пути из Константинополя в Черное море.

через переводчика-француза об итальянском посланнике. Меня это крайне удивило, так как моя миссия была засекречена и, более того, ее целью являлась вовсе не Одесса, а Таганрог.

Тем не менее я отнесся к этому обстоятельству как к свершившейся реальности и представился генералу. Со своей стороны, он представился как посланник генерала Шиллинга*, главнокомандующего всеми контрреволюционными силами Украины и Одессы, славшего мне приветствие. Такой быстрый контакт, несомненно, благоприятствовал моей миссии.

Сойдя на берег, где собралась толпа зевак, и сев в автомобиль «Ланча», я был сопровожден в лучший отель Одессы – в «*Международную гостиницу*»**.

Первым делом я связался с итальянским консульством и узнал, что консул, в свою очередь, на несколько дней отбыл в Константинополь, оставив вместо себя одного чиновника. Представьте себе мое удивление, когда в его лице я обнаружил своего старого знакомого, Паоло Росси, с которым – в качестве переводчика итальянского корпуса – я встречался в Мурманске. Тогда он носил форму итальянского офицера, хотя был лейтенантом российской артиллерии (будучи итальянцем, он родился в России). Теперь Паоло Росси ходил в штатском и работал в итальянском консульстве. При этом он был женат и жил вместе со своими родителями***. «Мир тесен!» – воскликнули мы почти одновременно после приветствия.

Два дня спустя я представился генералу Шиллингу, командующему войсками белых в Одессе. Это был блестящий офицер, решительный и энергичный, не лишенный дипломатического дара. Наша беседа продолжалась долго – почти два часа, так как я хотел узнать о многих вещах, о которых Шиллинг предпочитал не рассказывать, и наоборот. Все-таки мне удалось добиться почти всего желаемого – остальное я разузнал в других местах.

* Николай Николаевич Шиллинг (18 декабря 1870 – начало 1946), участник белого движения, эмигрировал в Чехословакию, где и скончался уже после прихода туда Красной армии (был арестован СМЕРШем, но выпущен на свободу по старости).

** Здесь и далее слова, выделенные нами курсивом, даны автором по-русски (латинской транскрипцией).

*** Ныне капитан артиллерии 8-го тяжелого [полка] в Риме. – **Примеч. автора.**

Казачи генерала Деникина

Положение оказалось намного хуже того, что я представил себе в Константинополе. Большевицкая армия, согласно информации, добытой от пленных и от доверенных эмиссаров, составляла вкуне, на разных фронтах, около 550 тыс. солдат и 180-200 тыс. орудий. Ради скрупулезности приведу перечень подразделений этих сил без указания их дислокации, так как у меня не было возможности ее уточнить (в дальнейшем уточню силы красных, противостоящих непосредственно Деникину):

- 35 дивизий стрелков
- 25 дивизий пехоты
- немецкая дивизия
- 11 экспедиционных дивизий
- 5 дивизий кавалерии
- 7 бригад стрелков

- 2 бригады пехоты
- 4 бригады кавалерии
- 13 подразделений *Сводного* (маршевые войска)
- 2 подразделения кавалерии
- 40 групп, составленных из полков пехоты и кавалерии бывшей царской армии.

Пехотные дивизии состояли из трех бригад, каждая из трех полков. Полки насчитывали примерно по 200 солдат, за исключением особых полков, численность которых достигала 500 человек.

Против красных, среди других добровольческих армий, была армия Деникина, которая начала свою попытку освободить Россию с группой в несколько тысяч человек. Постепенно в нее влились казаки Дона, Кубани и Терека, а также люди из освобожденных регионов и те, которым удалось бежать из большевистской России на Дон и Кавказ. Эта армия насчитывала около 200 тыс. человек.*

Ситуация добровольческих войск в отношении амуниции и снаряжения была катастрофической, несмотря на то, что Англия посылала обильную и разнообразную помощь. Одесса стала тогда центром всех конфликтов на Украине – ею стремились овладеть войска Махно и Петлюры. Деникин занял город в октябре 1919 г., официально пообещав сделать его столицей независимой Украины в случае оказания ему помощи в борьбе с большевизмом. Однако в тот момент на Украине вступили в противоборство самые разные силы. Этим воспользовались большевики, которым удавалось достичь успехов то там, то сям. Известия о поражении Деникина на Восточном фронте вдохновили большевистскую пропаганду: их стали искусственно раздувать.

После недели пребывания в Одессе и ряда встреч с генералом Шиллингом и другими представителями властей я освоился в далеко не блестящей ситуации и решил дожидаться какого-то нового события, которое смогло бы окончательно меня просветить.

Городская жизнь в целом являла признаки полной заброшенности. Широкие пустые улицы, покрытые толстым слоем льда,

* Мы не стали своей целью проверку военно-статистических сведений у автора и целиком оставляем их на его совести.

вызывали чувство грусти. Прилавки многочисленных магазинов были пусты, а портовые предприятия, в том числе «Анатра» (собственность одного итальянца),** закрыты.

Местные деньги не имели никакой стабильной ценности: рубль, прозванный «колокольчиком» (по аллегорической фигуре женщины, звонящей в два огромных колокола,*** – намек на Россию, призывающую своих сыновей против большевизма), был лишен какой-либо гарантии и покрытия.

Однажды, отправившись на послеобеденную прогулку, я оказался у какого-то строения, похожего на тюрьму. Я обратился к офицеру, вероятно, караульному, который согласился, сдавшись моей настойчивости, показать мне это грустное здание. Камеры были битком забиты многочисленными заключенными, лежавшими на тощих матрасах из грязной соломы, дрожавшими от ужасного холода и истощенными голодом.

Среди них были большевики из Одессы и окрестностей, схваченные с оружием в руках; обыкновенные воры, арестованные во время кражи; убийцы; дезертиры – всех понемногу. В коридоре виднелось два трупа, прикрытых тряпками.

Пусть тут и содержались враги контрреволюционного режима, они, как мне думалось, заслуживали более гуманного отношения. Сопровождавший меня офицер как будто прочитал мои мысли.

После этого он решил показать мне темный и длинный подвал. Как только мы переступили его высокий порог, в нос ударило такое зловонье, что я невольно отступил назад. Затем, движимый любопытством, я все-таки прошел внутрь, стараясь что-либо увидеть. Ноги заскользили по ужасной жиже.

Это «подвал смерти», сообщил мне провожатый. Здесь большевики, взяв Одессу, расстреляли сотни граждан согласно указаниям «чрезвычайки». Чтобы на улице не были слышны выстрелы и крики жертв, заводились моторы автомашин, поставленных у подвальных окон. Грязь на полу была смешана с кровью; на стенах, изрешеченных выстрелами, остались кровавые пятна.

** Авиастроительный завод. (От редакции. О деятельности семейства Анатра, происходившего из Мессины, см. в этой книге в статье Сергея Котелко «История одного памятника».)

*** В тексте по-русски; однако автор передает звучание слова так: kalakala.

Офицер рассказал мне о нескольких ужасных эпизодах, как будто пытаюсь оправдать бесчеловечное содержание пленных большевиков.

Под сильным впечатлением я вернулся в гостиницу. Там меня ждал Росси с тревожными новостями: итальянцам следовало немедленно покинуть Одессу – и в этот раз он передавал мне отнюдь не слухи. В этом я убедился, когда на следующее утро посетил Шиллинга. Несколькоими туманными фразами он поведал о нависшей опасности, умоляя меня обратиться в Итальянский Верховный комиссариат в Константинополе о посылке сюда транспорта для эвакуации людей.

Чтобы убедить меня, Шиллинг подтвердил ряд сведений о наступлении большевиков: перед огромной картой мы проанализировали разные возможности. Для вящей документальности сообщу читателям некоторые цифры военной реальности того региона.

Большевики имели на том фронте, в Южной зоне, 5 армий и еще одну резервную общей численностью 180 тыс. человек. Их командирами были Карцедринцов*, Дыбенко, Бодров, Ворошилов.

Южное войско Деникина также состояло из 5 армий численностью 156 тыс. человек. Это были: Кавказская группа под командованием генерала Врангеля; Первая Донская армия под командованием генерала Иванова; Вторая Донская армия под командованием генерала Мамонтова; Группа Маныч под командованием генерала Кутепова (исчезнувшего в Париже); Северная Кавказская группа под командованием генерала Ляхова; автономный Степной корпус; автономная Крымская дивизия. Добавлю, что у большевиков были серьезные резервы, в то время как Деникин задействовал абсолютно все свои силы. Нам была очевидна вся тяжесть положения.

Новости о возможной эвакуации населения видимым образом разносись по городу: в следующие дни я заметил сильное оживление на улицах. Люди спешили туда-сюда, по улицам неслись сани, кафе заполнились посетителями, среди которых выделялись вечно сплетничавшие женщины – они, к тому же, как-то неуместно и неумно кокетничали.

* Эту фамилию не удалось идентифицировать.

На минуту мне показалось, что город захлестнуло какое-то безумное веселье, прежде похороненное под кошмарной неопределенностью. «Жизнь живем только раз!» – слышал я часто эту фразу, с которой многие встречали неизвестность, впадая в фатализм, замеченный мною уже в Архангельске у народа, так часто подверженного разного рода трагедиям.

Развернулась мелкая торговля, и я увидел частое повторение сцен, знакомых мне по эвакуации из Архангельска. Все пытались продать хотя бы что-то из того, что имели, – много или мало, но ради твердой валюты: ее поиск превратился в лихорадку. Предметы теперь не имели определенной цены и стоили столько, сколько за них дадут в валюте.

На этой ситуации наживались евреи, делавшие немислимые барыши и забывая свои склады всеми видами товаров. У них можно было увидеть всё – горностаевые шубы, картины известных мастеров, ювелирные украшения, хрустальные сервизы.

Добровольческие войска стали отступать в сторону Одессы, и в мою гостиницу вторглась толпа офицеров, ветеранов Киевского фронта. Они произвели на меня удручающее впечатление: это были юнцы, не обладавшие полагающимися офицеру дисциплиной и поведением. Незаметно их слушая, я пришел к выводу, что первыми, кто не верит в контрреволюционное движение, были они сами. Их поддержка Деникину диктовалась лишь собственными интересами. Над старыми офицерами – таких было немало, кто верил в возрождение России, противостоя поражёнческому настроению, потешались или же их просто избегали.

Расскажу один лишь эпизод, свидетельствующий о том, что эти офицеры, как я полагаю, могли служить как большевикам, так и добровольцам. Я пил чай в ресторане гостиницы, когда ко мне приблизились два незнакомых мне офицера, капитан и лейтенант.

– Вы иностранец, правда? – спросил капитан.

– Да, я итальянец.

– Тогда вы, должно быть, любитель редкостей, – заявил капитан, вытащив из широких штанов пакет.

Я молча наблюдал.

– Это российские награды, которые я получил на немецком фронте, – капитан, развернув бумагу, извлек два Георгиевских креста (соответствует нашим медалям за воинскую доблесть) и крест Св. Анны. – Хотите купить? Отдам задешево, но за иностранную валюту.

Я молча наблюдал, однако чувствуя в себе волну возмущения от этой подлой торговли.

– Это золото, – вмешался лейтенант, – мы гарантируем.

Я больше не мог сдерживаться и, отчетливо выговаривая слова, тихо произнес:

– Хочу вам сказать, что и у меня есть военные награды, но вместо того, чтобы их продать, я бы предпочел умереть с голоду и закончить самоубийством. Если вы дошли до того, то вы – более не солдаты, и вашей родине не на что больше надеяться.

Офицеры смотрели на меня с удивлением, но не нашли что ответить. Помолчав, лейтенант, нагло улыбаясь, вытащил из кармана своей куртки кольца с бриллиантами, запустив их на стол:

– Я вижу, что вы сентиментальны. Купите у меня хотя бы это, отдам за немного, но хочу иностранную валюту.

– Оставьте меня в покое! – заявил я голосом, не допускавшим возражений. – Я не еврей и не спекулянт!

Они ушли, что-то бормоча между собою, – я уже не мог их слышать. «Где же старые русские патриоты?» – спрашивал я себя. Где старые офицеры героических войск в Карпатах и на Мазурских озерах? Эти юнцы не любили своей родины.

Я рассказал о случившемся некоторым офицерам из Главного штаба, с которыми успел подружиться. Однако они не выразили ни малейшего удивления. Царящий хаос, неумелое управление, раздавленный полной неопределенностью патриотизм – все это приводило к тому состоянию вещей, против которого в данный момент не следовало предпринимать радикальных мер. Мне показалось, что и мои друзья пребывали в горестном разочаровании. Я был уверен, что они что-то знали, но не желали мне сказать из-за избыточной предосторожности.

Должен подчеркнуть, что в русской контрреволюции существовали, к сожалению, два противоположных начала – сентиментализм и патриотизм наряду со спекуляцией и жадной поживы.

Наша гостиница вскоре превратилась в штаб-квартиру всех веселых женщин Одессы, устраивавших оргии разных жанров вместе с офицерами.

Одной ночью я услышал в гостинце выстрел: одевшись и схватив револьвер, я быстро спустился вниз по лестнице.

Судя по всему, стреляли в ресторане, куда я и направился. Там в коридоре я увидел офицера, раненного в плечо и истекавшего кровью, а также двух полураздетых дамочек, пытавшихся его перебинтовать.

Я подошел, чтобы незамедлительно оказать помощь, но, приблизившись, обнаружил, что вся троица была невероятно пьяна.

– *Играют в кукушку!* – заявила мне одна из двух дам, дыша на меня отвратительным перегаром *водки*.

Я понял, в чем дело, и в раздражении передернув плечами, вернулся в свой номер.

Игра в кукушку – это макабральное развлечение, распространенное преимущественно у казаков. Расскажу о ней – может, кто-то из читателей захочет развлечь этой игрой своих гостей.

В первую очередь, перед игрой следует хорошенько выпить – все ее участники должны быть непременно пьяными. Нужен большой и пустой зал – если в нем что-то было, то это выносятся прочь. Игроки, назовем их так, становятся вкруг и устраивают считалочку, основанную на обычном подсчете поднятых пальцев на руке. Тот, на кого выпал жребий, становится в центр зала с заряженным револьвером. Остальные размещаются вдоль стен, принимая самые разные позы: стоят, сидят, стоят на коленях. По сигналу выключают свет – темнота должна быть полной.

Тогда один из игроков, тоже выбранный по жребию, кричит: *ку-ку!* – и тот, что стоит в центре, стреляет на звук.

Включают свет. Если кричавший «ку-ку» ранен, то он покидает зал... или его уносят. Если он остался цел, то теперь он занимает место в центре, а стрелявший прежде становится у стены. Так игра продолжается, или должна продолжаться... до полного «истребления».

И в этой игре, как и во всех, есть свои правила, свои исключения, свои хитрости, но не желаю долго о ней распространяться. В конце концов, это дело вкуса: кому нравится покер, кому – *кукушка*.

Однажды утром, отправившись в штаб, я узнал, что грузины, соединившись с «зелеными»*, а также войдя в союз с большевиками, в начале января заняли грузинский берег. Одесская радиостанция перехватила телеграмму Чичерина, который призывал население Грузии подняться против Деникина, обещая ему свободное и независимое правительство. Те же «зеленые» стали проникать и на Украину и, кажется, сговорились с Петлюрой о захвате Одессы.

Тогда же произошли некоторые инциденты, спровоцированные неприятием присутствия в Одессе французов со стороны русского населения. Я узнал, что недовольство Францией было вызвано ее попыткой высадить в Одессе несколько тысяч бывших русских военнопленных, имевших явные большевистские тенденции. Этой высадке энергично воспротивилось русское военное судно «Кагул». К тому же, французам приписывали первую сдачу Одессы в руки большевиков. Мне было непрос-то разобраться во всех этих событиях и пытаться предугадать их последствия. Ситуация, уже достаточно хаотичная, ухудшалась с каждым днем.

Шестого февраля Деникин выступил с *Тихорецкой* радиостанции с обращением ко всем иностранным представительствам: «Битва на Одесском фронте переживает труднейший этап тчк В Одессе и Крыму собралось множество беженцев больных и раненых при полном отсутствии транспорта тчк При неуспехе операций им всем неминуемо грозит катастрофа гибель от рук большевиков тчк Обращаюсь к чувству гуманности ваших народов и прошу ваши правительства выслать пароходы для эвакуации Одессы и возможно Крыма тчк Такую помощь никогда не забудут и она даст возможность продолжать борьбу с максимальным спокойствием и уверенностью тчк Деникин».

Тут же в Одессе было объявлено осадное положение: командовать стали военные.

* «Зеленые» были разочаровавшимися большевиками и вообще дезертирами из двух воюющих армий; иногда они нападали на тех же большевиков, иногда – на контрреволюционеров. Если кратко, то они были вульгарными бандитами, без всякой дисциплины, но с оружием. О них вспомнили недавно газеты, так как [Павел] Горгулов, убийца французского президента, вроде бы был именно «зеленым». – **Примеч. автора.**

Беженцы, ютящиеся на пристани

На следующее утро ко мне в гостиницу прибыл один из адъютантов Шиллинга, умоляя меня поехать с ним по одному драматическому делу. Той ночью произошла атака на один городской район, где находилось множество магазинов и складов, и он был разбит и сожжен. Кажется, район назывался *Молдаванский*.

Приехав туда, увидели два медицинских автомобиля американского Красного Креста, которые собирали раненых. Никогда не видел такого вандализма и разрушения. Сломанные двери, разбитые окна, сожженные магазины, выброшенные товары, там и сям трупы. Одного повесили на пороге собственного дома, другому проломили голову; на лицах мертвых раздетых женщин отразился предсмертный ужас. Один *поп*, весь в ожогах, сидел мертвым на пороге своей церкви. Полученные сведения говорили о том, что напали «зеленые».

Однако точно понять, что именно происходило в эти последние дни перед падением Одессы в руки большевиков, было не просто, особенно иностранцу. Уверен, впрочем, что никто никогда не сможет узнать всю истину...

Тем временем отчаянный призыв Деникина подействовал на ряд держав, в одесский порт стали прибывать пароходы.

Одним из первых прибыл «Палацки» Триестского Ллойда, вместе с итальянским торпедоносцем «Джакомо Медичи», под командованием командора Веша. Из Константинополя прибыли также два американских транспортных корабля и один английский. Теперь в порту стояли пароходы под флагами разных стран.

В последующие ночи на улицы нельзя было выходить: в городе стреляли так, как будто шли бои. От взрывов тряслись стекла, а по утрам на мостовых валялись трупы.

Я без колебаний решил отплыть на «Палацки», который стоял на крайнем причале в западной части порта, ожидая погрузки беженцев согласно указаниям военного командования города.

Шел второй день моего пребывания на борту парохода, когда я чуть было не лишился жизни в одесском порту. В тот вечер я задержался в городе после заката в тщетной попытке поговорить с генералом Шиллингом. Я должен был пешком дойти до «Палацки», сиявшим огнями в отделении. Пройдя вооруженный караул, стоявший у входа в порт, я очутился в совершенно безлюдной зоне. Под ногами скрипел снег. Внезапно я увидел темную фигуру, нырнувшую за груды ящиков, затем – другую, проделавшую сходный маневр.

Решив, что это воры, я на всякий случай взял в руки револьвер, который носил в кармане шубы. В темноте я разглядел, что две фигуры вышли вперед, как будто намеревались перерезать мне дорогу. <...>*

Не задерживаясь ни на минуту, я поспешил к кораблю. Поднявшись на палубу, обнаружил, что я стал весь мокрым от пота, как будто побывал в бане. На следующее утро, снова вернувшись в город, я нашел место нападения, но кроме застывшего сгустка крови на снегу, ничего не нашел.

Генштаб и городская префектура были буквально забиты публикой самого разного сорта. Люди заполняли анкеты, ставили печати в паспортах и занимались прочими формальностями.

* Выпущен необыкновенно долгий рассказ (на трех страницах) о нападении на автора трех бандитов: после их выстрелов он упал, укрывшись за ящиками, откуда поразил одного, другие же убежали.

Я уже видел подобные сцены в Архангельске, однако в Одессе все было более интенсивно и нервно.

Расскажу один короткий эпизод: пусть он сам по себе и незначителен, однако имеет глубокий социальный смысл. К префектуре подъехали нищие сани с тощей клячей и с убогим *извозчиком*. С саней сошла изящная госпожа в норковой шубе, так странно контрастирующей с бедным экипажем. Я стоял рядом и мог хорошо слышать разговор:

– *Сколько?* – спросила госпожа, открывая сумочку.

– *Сколько вы хотите,* – смиренно ответил извозчик.

Госпожа протянула ему несколько русских банкнот, лишенных какой-либо ценности.

– *Так мало?* Дайте мне на чай, – протянул *извозчик*.

Этого ему не следовало говорить: госпожа, покраснев от гнева, снова сунула руку в сумку и, свернув банкноты в комок, швырнула его в лицо извозчика:

– *Возьми, тряпка!* – крикнула и ушла.

Думаю, что если извозчик еще не был большевиком, то в тот момент он им стал!

Я рассказал об этом Росси, но тот, улыбнувшись, заявил, что все это не имеет особого значения, так как с извозчиками из-за их жадности и грубости всегда обходятся без деликатностей.

Развитие событий подтверждали телеграммный призыв Деникина к эвакуации, однако никто не мог точно предвидеть, когда большевики захватят город. Американцы уже погрузили основную часть своего конторского имущества и медицинского оборудования, а также многих беженцев. Товары, которые недавно прибыли из-за границы, вновь перевезли на пароходы. В порту шла невиданная прежде лихорадочная работа под контролем заинтересованных лиц.

«Палацки» тоже взял на борт беженцев, а также грузы итальянских экспортеров. Время поджимало: новости становились все более тревожными. Росси, решив уехать в Италию, тоже поднялся на борт корабля со всем своим семейством.

Утром 20 февраля, несмотря на попытки отговорить меня, я отправился в город. Жажда новостей, горячее желание увидеть

Ожидание визы в консульстве

все своими глазами пересилили благоразумие. Я хотел также попрощаться с моими друзьями из штаба и поблагодарить их за теплое ко мне отношение. Не доходя до главной площади, я услышал дикие возгласы:

– Большевики! Большевики! Идут! Идут!

Стало ясно, что конец близок, и толпа устремилась в порт. Мчались сани, груженные сундуками; люди тащили санки с узлами и прочей поклажей; бежали целые семьи. Это были те, которые до самого последнего момента тщились иллюзией, что большевики в Одессу не вернуться. Все быстро двигалось передо мной, как трагический кинофильм. Как можно описать в нескольких строках увиденное?

В порт вела одна-единственная улица, которая теперь была забита экипажами, санями, людьми – толпа все росла,

Подъем по трапу на «Палацки»

и теперь она уже не могла двигаться ни вперед, ни назад. Протиснуться сквозь нее не было никакой возможности. Вдали раздалась сирена моего парохода – через час он должен был отплыть.

Мое положение было незавидным, и я клял свое неуместное любопытство. Неожиданно близ меня раздался звук клаксона. Это был автомобиль американского Красного Креста, с трудом прокладывавший себе путь. Он и стал моим спасением!

Машина, как я и предполагал, была битком забита, однако когда она поравнялась со мной, я вскочил на подножку и прокричал шоферу:

– Allo! I am the Italian consul!

Шофер любезно отсалютовал и открыл дверцу внутрь, где я обнаружил раненых и врача. Машина застряла среди толпы.

В этот момент я услышал свист снаряда, который пробил грузы, однако не взорвался. Большевицкая артиллерия начала обстреливать порт. Американский врач осознал весь трагизм положения и жестко приказал шоферу любым способом продвигаться. Вскоре мы все-таки въехали в порт, где было попросторнее. Поблагодарив, я побежал к «Палацки».

В порту я увидел и готовый к отплытию миноносец «Джакомо Медичи». На причале у своего парохода я увидел шумную толпу. Наш экипаж стремился не пустить на борт людей, которые лезли по канатам. Капитан, увидев меня среди толпы, приказал нескольким морякам проложить мне дорогу. Последним на борт поднялся синьор Де Поллоне, агент Триестского Ллойда, который и дал команду к отплытию.

Вдали раздавались звуки стрельбы, вздымался дым от пожаров. Вопль отчаяния раздался с пристани, когда мы отплыли. Какой-то дюжий молодой господин сумел повиснуть на тросе, и его подняли на палубу.

Пароход был битком забит беженцами: они сидели в спасательных шлюпках, на лестницах, на канатах. Раздался свист снаряда, упавшего в море в нескольких метрах от носа корабля. Выстрелы вдали становились все интенсивнее – мне послышался и треск пулемета.

Бешеная борьба развернулась у причала, где стоял миноносец*. С командного мостика мы видели ужасные сцены, но не могли никак вмешаться. «Палацки» умелым маневром оторвался от пристани: мы увидели, как какой-то человек упал в море, среди волн и льдин – сброшенный толпой или от отчаяния.

В море рядом с нами упал снаряд, затем два других. Возможно, нам приказывали таким образом оставаться в порту. «Вперед на полном ходу!» – скомандовал капитан «Палацки», и пароход, раскачиваясь от вращения своих винтов, вышел в море, груженный разбитыми иллюзиями и горем.

Ружейные выстрелы и глухой рев пушек над несчастным городом еще долго сопровождал наше плавание.

* Командор Веша, с которым я встретился несколько дней спустя в Константинополе, рассказал мне, что корабль был обстрелян, и два его моряка получили легкие ранения. – **Примеч. автора.**

Послесловие

Теперь, после того как я привел читателя в малоизвестные пространства, представив перед ним малый фрагмент великой русской трагедии, я хотел бы закончить мой объективный и, насколько возможно, исторически достоверный рассказ рядом соображений – возможно, они не лишены интереса, так как мне лично довелось быть очевидцем событий, а итальянцев там тогда было крайне мало.

Начну с того, что интервенция в Россию со стороны союзников имела две определенные цели – политическую и экономическую. Она произошла только лишь после того, как возникла уверенность, что Ленин и Троцкий, используя свое влияние на массы, будут действовать в ущерб Антанте. Ее политическая цель, в свою очередь, тоже делилась на два взаимосвязанных направления – оборонительное и наступательное.

Оборонительная цель была вызвана тем, что в разных странах Антанты во время войны возникла атмосфера усталости и недоверия, приводившая к крайней раздражительности населения и, следовательно, к возможным революционным взрывам большевистского толка.

Наступательная цель состояла в том, чтобы вырвать из рук большевиков общественную власть в России, которую они узурпировали.

Экономической целью, вне сомнения, было обеспечение гарантий для союзников в отношении взятых у них старой Россией огромных займов: их категорически отказывались выплачивать Ленин и Троцкий.

В тот момент только особая психология русского народа могла сделать возможным утверждение большевизма.

Народ этот, живший в стране, где не знали ее границ и где могла царить вечная весна или вечная зима, народ, живший для мечты и мечтавший о жизни, был ввергнут в великую войну, понеся тяжелые жертвы – и кровью, и достоянием.

Народ изначально сражался ради традиционных ценностей, а не по убеждению или вдохновению, не понимая глубинных причин войны, от которой он устал и в которую более не верил.

Слово «царь», вмещавшее в себя идею и родины и веры, было единственным, что оправдывало возложенные на народ жертвы. «Царь-батюшка» был всем.

Как только этот символ исчез, растоптанный большевизмом, русский народ, почувствовав себя свободным от какой-либо жертвенности, в отчаянии бросился к приманке революции – равенство политическое, общественное, экономическое.

Когда Ленин со всей его влиятельностью бросился поносить войну, русскому народу показалось, что пришел новый, желавший ему только добра пророк: ему стали слепо повиноваться.

Большевизм утвердился только потому, что вожди-большевики захватили власть над массой, которая – из-за природы русского человека – «должна» была кому-то подчиниться.

Поэтому в борьбе с большевизмом не было смысла воевать с массами, нужно было воевать только против вождей. И это, вероятно, не было оценено должным образом. Антанты бросилась в русскую авантюру, будучи самонадеянно уверенной в своем успехе. Однако союзнические войска, уставшие от долгой войны, не имели воли к борьбе за дело народа, с которым не чувствовали никакой близости. Антанты, насколько я могу судить, не смогла заняться серьезной и эффективной антибольшевистской пропагандой.

Подобный подход вызвал только недоверие среди аморфных масс, более того – успешная большевистская пропаганда сумела возбудить ненависть к чужеземцу, который решил вмешаться во внутренние дела России.

Я уверен, что если бы союзники действительно захотели бы задушить большевизм в зародыше, то они смогли бы это сделать – нужно было деятельное их сотрудничество, разумно организованное на общих целях.

История в итоге разъяснит причины, почему то или иное не состоялось. Мы не имеем права по еще таким свежим следам реально выявлять и тем более судить ошибки, если таковые были. Только тот, кто сможет собрать и выстроить в порядке все элементы той бурной эпохи, будет в состоянии дать миру верное суждение.

Публикация и перевод с итальянского
Михаила Талалая